

Литературно-художественное издание

12+

Марина Ивановна Цветаева
Мне нравится, что Вы больны не мной...

Редактор *Д. Андреев*
Художественный редактор *Е. Шамрай*
Макет издания и компьютерная верстка
С. Шаповалова
Корректор *Т. Акимова*

Подписано в печать 07.04.2017. Формат 60x84¹/₃₂.
Усл. печ. л. 7,44. Доп. тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
дом 21, строение 3, комната 5
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

.....
~~~~~
..... Стихи о любви .....

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

*Мне нравится,
что Вы больны не мной...*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ц27

Составитель *А. Дмитриев*

Предисловие *Е. Сухарев*

Оформление обложки — *О. Сапожникова*

Ранее книга выходила под заглавием

«Каждый стих — дитя любви...»

В оформлении обложки использована репродукция картины А. А. Дейнеки «Портрет С. И. Л. в соломенной шляпе» (1935 г.), материал предоставлен ФГУП «МИА «Россия сегодня»

Цветаева, Марина Ивановна.

Ц27 Мне нравится, что Вы больны не мной... / Марина Цветаева. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 256 с.: ил. — (Стихи о любви).

ISBN 978-5-17-085485-1 (ООО «Издательство АСТ»)

Стихотворения Марины Цветаевой — это особая страница в русской поэтической наследии. Лирика Цветаевой продиктована чувствами такой предельной остроты, такого накала, который дается только поэту экзистенциального отчаяния. Это поэтическое откровение личности, способной «Творцу вернуть билет» и заявить: «На твой безумный мир ответ один — отказ». Речевой поток Цветаевой непредсказуем и необратим, ее муза бескомпромиссна и неукротима, любовь ее лирической героини безудержна и безмерна.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© ООО «Издательство АСТ», 2017

«Я поклялася не стареть...»

Так написала Цветаева в последний свой декабрь. Строка стихотворения, оставшегося лишь в набросках, или один из нескольких моментальных снимков при магниевой вспышке, героиня которых, поседевшая девочка, не произносит, но подразумевает ключевое слово своей жизни. И останавливает — в состоянии предсмертия — вовсе не прекрасное мгновенье.

Главный адресат ее любви, поседевший мальчик Сергей Эфрон, с которым повстречалась когда-то в Коктебеле, выбран однажды — и навсегда. И верность адресату длится у Марины до конца — до Елабуги. Так верны друг другу люди, давно ставшие взрослыми и даже стариками, но по характеру — сущие дети. Любят, ссорятся, как-то мирятся, потом их разносит на долгие годы. И вот уже наступили новые времена, и вот случайная встреча даже не на своей, а на чужой земле — и все опять, как в самом начале, когда:

...Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете — и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря...

А ведь война вот-вот вспыхнет, и на ее поля выйдут «молодые генералы своих судеб». Вместе с ними — сущие дети, вчерашние необстрелянные студентки,

Сергей Эфрон меж них — при жене и маленькой дочери в оставленной Москве...

Вот откуда — вопреки налаженности московского, с самого рождения родного быта (или внешней жизни) — исходит явственно цветаевское вечное одиночество, даже устрашающая пустота вокруг!.. Пишется цикл «Подруга», посвященный Софии Парнок, — документ (у Цветаевой все документ!) этого устрашения и трагизма. Известнейшие стихи в цикле «Хочу у зеркала, где муть...» — именно потому известнейшие, что Эльдар Рязанов и Микаэл Таривердиев поместили их в свою «Иронию судьбы». Стихи эти «ушли в народ», то есть в гитарную самодеятельность. Это закономерно: цветаевская «земная» биография во всем ее трагизме слилась с лирической...

Обе цветаевские биографии действительно друг от друга неотделимы, но ведь сама Цветаева ставила «голос правды небесной против правды земной». У нее было множество вспышек-любовей, и стихи были, как вспышки, — обращенные к Манделштаму или к Николаю Вышеславцеву, Константину Родзевичу или ближайшему на долгие годы Пастернаку. С Пастернаком связь у нее почти мистическая — сначала, через «расстояние: версты, мили», в потрясении от прочитанных книг, посредством той самой небесной правды. Потом, конечно, письма — друг другу во время наитеснейшего сближения в 1926—1927 годах, но все-таки «по трущобам земных широт». А от обоих еще и к третьему — великому Райнеру Марии Рильке. Тысяча девятьсот тридцать пятый — анти-

фашистский конгресс в Париже: Цветаева и Пастернак смогли, наконец, увидеться. Встреча оказалась какая-то смятая; было в ней то, чего Цветаева никак не ожидала: в глазах и поступках Пастернака она прочла собственную ненужность. Ненужность — сердечную. Но, по возвращении Марины Ивановны на родину, во времена арестов дочери и мужа, Пастернак выручал ее не единожды.

Уже во время Отечественной войны, откликаясь на ее гибель, Пастернак писал:

Ты б в санях переехала Каму
В час налетчиков и громил.
Пред тобой, как пред Пиковой дамой,
Я б от ужаса лед проломил.

Очень жаль, что эти строчки остались только в черновиках к «Памяти Марины Цветаевой» — они, возможно, сильнее и точнее всего явленного набело...

Но, сколько бы — повторим это еще раз! — адресатов ни существовало у цветаевской лирики, по-прежнему главным оставался один — Сергей Яковлевич Эфрон. Не хочется, да и незачем долго рассуждать здесь о его сотрудничестве со сталинской разведкой, — на допросах в НКВД он, возвышаясь, никого не предал — ни друзей, ни семью. Лучше прислушаемся к словам Бродского (в беседе с Соломоном Волковым), ибо обращены они к цветаевскому мироощущению: «Не знаю, что было ей известно о сотрудничестве Эфрона с ГПУ, но думаю, будь ей извест-

но даже все, она бы от него не отшатнулась. Способность видеть смысл там, где его, по всей видимости, нет, — профессиональная черта поэта. И Эфрона Цветаева могла уже хотя бы потому одушевлять, что налицо была полная катастрофа личности. Помимо всего прочего, для Цветаевой это был колоссальный предметный урок зла, а поэт такими уроками не бросается. Марина повела себя в этой ситуации куда более достойным образом — и куда более естественным! — нежели мы вести себя приучены. Мы же — что? Какая первая и главная реакция, если что-то против шерсти? Если стул не нравится — вынести его вон из комнаты! Человек не нравится — выгнать его к чертовой матери! Выйти замуж, развестись, выйти замуж опять — во второй, третий, пятый раз! Голливуд, в общем. Марина же поняла, что катастрофа есть катастрофа и что у катастрофы можно многому научиться...»

Для Цветаевой до конца общей их жизни был Сергей Яковлевич тем самым мальчиком Сережей, которого когда-то полюбила девочка Марина и которому написано одно из самых доверительных посвящений:

Не возьмет мое вдовство
Ни муки, ни мельника...
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.

Остальное — не имеет значения.

Евгений Сухарев

СЕРГЕЮ ЭФРОН-ДУРНОВО

1

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка — драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь — так он юн —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

Коктебель, 19 июля 1913

2

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны — бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете — и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,
И новые зажгутся луны,
И лягут радостные львы —
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

1 августа 1913

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок — самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как — мне кажется — могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913

